

Шарин Максим Сергеевич

аспирант, преподаватель

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный
педагогический университет им. М.Е. Евсевьева»

г. Саранск, Республика Мордовия

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ 1920–1930-Х ГОДОВ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ: ПРАВО ГОСУДАРСТВА НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ

Аннотация: в статье исследуется вопрос о праве государства на политическое насилие. Автором отмечены дефиниции понятий «политические репрессии», «политическое насилие» для релевантного представления событий отечественной истории 1920–1930-х годов.

Ключевые слова: репрессии, политические репрессии, политическое насилие, политический режим, СССР.

События советской истории 1920–1930-х годов прошлого столетия в исторической науке прочно ассоциируются с процессом массовых политических репрессий и получили ярко выраженную негативную коннотацию. Не рассматривая концептуальные подходы к объяснению советской репрессивной политики периода Сталина (1920–1930-е годы) [7; 9] как пика преследований в СССР по политическим мотивам, мы определим саму возможность государства осуществлять подобные действия. Также, для релевантного представления о событиях указанного периода отечественной истории, необходимо рассмотреть дефиниции таких понятий как «репрессии», «политические репрессии» и «политическое насилие».

Согласно «Толковому словарю» С.И. Ожегова, в русском языке слово «репрессии» означают карательные государственные меры [15, с. 1014]. Если обратиться к словарю политологическому, то дефиницией термина «репрессии» (от лат. repressio – подавление) будут карательные меры или наказание, имеющие целью подавить, пресечь (деятельность) кого-либо [14, с. 117]. Далее, если установить определенный интересующий нас мотив применения карательных действий – политические (властные) отношения – то согласно, например, Кем-

бриджскому словарю получим, что «политические репрессии» есть применение силы или насилия для контроля над группой людей («the use of force or violence to control a group of people») [10]. Таким образом, политические репрессии относятся к проявлению насилия в политике или к политическому насилию.

Само понятие «политическое насилие» также имеет несколько трактовок. Одни исследователи под политическим насилием понимают подавление или принудительное ограничение свободы члена общества под действием общественных же сил [12, с. 13]. Другие с учетом марксистской концепции добавляют, что политическое насилие представляет собой деятельность классов, наций, общественных групп, обусловленная идеологически, для реализации целей их социальных институтов. При этом обязательно применяются средства принуждения [13, с. 10].

Видом политического насилия является насилие государственное [5, с. 35]. В российском законодательстве находим определение средств государственного принуждения вместе с видами их конкретного применения: согласно закону РФ №1761–1 от 18.10.1991 (редакция от 25.12.2023), статья 1, под политическими репрессиями признаются «различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы..., а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам» (закон). Осуществлялись данные меры, согласно тому же закону, «по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами» [8].

Комплекс таких мер можно охарактеризовать как своеобразную «репрессивную политику», которую М.Г. Степанов рассматривает в виде элемента политического действия и соответственно, как дополнительный способ приведения общества к требуемым стандартам функционирования [16, с. 47].

Таким образом, в широком понимании репрессии есть ограничение, сила, насилие по отношению к кому-либо, либо к целым общественным группам. Из

определения, данного российским законом, следует, что репрессии по политическому признаку прямо осуществляются государством против лиц, признававшихся социально-опасными, то есть опасными для общества. По мнению М.С. Байновой, государству, как главной социальной общности, присущи две важных спецификации: выражение интересов всего общества и ради выражения этих интересов оно имеет право на принуждение, то есть на насилие [3, с. 50]. Ф. Фукуяма, когда рассуждает о функциях государства, также признает, что принудительный характер власти дает ей право ущемлять гражданские права в угоду обеспечения безопасности всего общества [18, с. 12–13].

Согласно М. Веберу, государство прямо претендует на монополию легитимного, то есть законного физического насилия [4, с. 645], под которое прямо подпадают некоторые виды репрессий – лишение свободы или жизни по политическим мотивам. Интерпретируя концепцию насилия Ю. Гальтунга, политические репрессии предположительно можно рассматривать как элемент насилия структурного, уже встроенного в определенную структуру [1, р. 171], в нашем случае, в государство. В подобном варианте объект насилия (репрессий) не воспринимает его, а принимает как данность [1, р. 173]. Анализируя концепцию Гальтунга дальше, мы открываем новое измерение государственного насилия – «людей, в данном случае, убивают не прямым насилием, их убивает весь социальный строй» [2, р. 69]. Однако по справедливому замечанию А.В. Дмитриева и И.Ю. Залысина, понятие «структурного насилия» является крайне неопределенным и произвольно интерпретированным [5, с. 31]. Собственно, и сам Гальтунг определяет данную ситуацию весьма своеобразно: «мы будем ссылаться на состояние структурного насилия как на социальное неравенство» [1, с. 171]. Очевидно, что социальное неравенство, то есть неравный доступ членов общества к материальным благам к установленным нам дефинициям терминов «репрессии» и «политические репрессии» отношения не имеет.

Относя репрессии к одной из форм политического насилия, уже упоминаемые нами А.В. Дмитриев и И.Ю. Залысин в своей монографии не только определяют их как любые насильственные действия государства, но и указывают их

главную цель: сохранение политической стабильности, несмотря на законность или моральное оправдание подобного [5, с. 54].

Государственное насилие в форме политических репрессий, таким образом, в большинстве случаев имеет санкционированный характер и монополию на легитимность. В случае с СССР это целый комплекс репрессивного законодательства, самым известным примером которого является 58-я статья УК РСФСР [17, с. 35].

Здесь мы приходим к вполне ожидаемому выводу о главной, защитной функции репрессий – они направлены на сохранение государственного строя и текущей социальной конфигурации. Дмитриев и Залысин тоже подтверждают данный вывод об охранительном, консервативном характере репрессий – это может быть оборона в ответ на экстремистские действия различных групп или наоборот, наступательные превентивные действия государства против оппозиции [5, с. 55]. Подобные действия присущи абсолютно любому государству.

Исторически, преследование за политические убеждения или ввиду социальной опасности в Советской России и СССР не является первым примером реализации подобного защитного механизма большой социальной общности (государства) против малой (определенных групп или категорий подданных/граждан) для защиты своего функционирования и существования. Достаточно вспомнить проскрипционные списки Суллы («он внес известный «порядок» путем применения так называемых «проскрипций»... куда он вносил имена лиц, объявленных вне закона и подлежащих уничтожению»), [11, с. 410] или террор эпохи Французской буржуазной революции (декрет Конвента от 10 апреля 1793 года о создании Чрезвычайного уголовного трибунала, занимавшегося всеми контрреволюционными преступлениями [6, с. 210].

Таким образом, можно сделать некоторые выводы.

1. Политические репрессии в СССР периода 1920–1930-х годов есть редкая, но типичная форма политического насилия.
2. Осуществляются репрессии всегда на санкционированной государством и легитимной основе.
3. Главная функция – сохранение государственного строя.

4. Свойственны любому государству, то есть Советский Союз не является уникальным примером.

5. Таким образом, как и любое государство, СССР периода Сталина имел право на проведение репрессивной политики по отношению к своим гражданам.

Однако вопрос концептуально-методологической основы для проведения подобных действий советским государством в отечественной и зарубежной исторической науке продолжает оставаться открытым.

Список литературы

1. Galtung J. Violence, Peace and Peace Research / J. Galtung // Peace Research, vol 6, №3 (1969), pp. 167–191 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/422690> (дата обращения: 04.12.2024).

2. Violence and its causes. – P.: UNESCO, 1981 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.perlego.com/book/1838848/violence-and-its-causes> (дата обращения: 04.12.2024).

3. Байнова М.С. Понятие государства и системы государственного управления / М.С. Байнова // Афанасьевские чтения. – 2016. – №1 (14). – С. 49–55. EDN VPMFQP

4. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с. EDN SGUYOR

5. Дмитриев А.В. Насилие: социополитический аспект / А.В. Дмитриев, И.Ю. Залысин. – М.: РОССПЭН, 2000. – 328 с.

6. Документы истории Великой Французской революции: в 2 т. Т. 1. / отв. ред. А.В. Адо. – М.: Изд-во МГУ. – 1990. – 528 с.

7. Ермаков Е.В. Концептуальные подходы к анализу политических репрессий в СССР второй половины 1930-х годов / Е.В. Ермаков // Interactive science. – 2021. – №6 (61). – С. 18–35 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interactive-plus.ru/e-publications/e-publication-778.pdf> (дата обращения: 04.12.2024).

8. Закон РФ №1761–1 от 18.10.1991 «О реабилитации жертв политических репрессий» // Консультант Плюс. Надежная правовая поддержка [Электронный ре-

сурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1619/e07123f93cc99d707eee3fd50529d8d7f92a0c06/ (дата обращения: 04.12.2024).

9. Камынин В.Д. Концептуально-методологические интерпретации «великой чистки» на Урале / В.Д. Камынин, С.В. Сосновских // 1937 год: память и уроки: материалы межрегиональной научно-практической конференции (14–15 декабря 2007 г., Тюмень). – Тюмень: Вектор Бук, 2007. – С. 38–40. EDN UKBEMR

10. Кембриджский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/repression?ysclid=m2eby5h115828620362> (дата обращения: 04.12.2024).

11. Ковалев С.И. История Рима / С.И. Ковалев. – Л.: Издательство Ленинградского Государственного ордена Ленина университета. – 1948. – 810 с.

12. Кугай А.И. Природа политического насилия и его роль в современном мире: 09.00.11 «Социальная философия»: автореф. дис. ... канд. филос. наук / А.И. Кугай. – М.: Российская Академия наук: ин-т философии, 1993. – 21 с.

13. Липатов И.М. Сущность и основные формы политического насилия в современных условиях: (Филос.-социол. анализ): 09.00.01 «Онтология и теория познания»: автореф. дис. ... канд. филос. наук / И.М. Липатов. – М.: Воен.-полит. акад. им. В.И. Ленина, 1989.

14. Мустафин А.А. Политология: словарь современных терминов и выражений / А.А. Мустафин. – Ангарск: АГТА, 2012. – 168 с.

15. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов // Под. ред. проф. Л.И. Скворцова. – М.: Мир и Образование. – 2019. – 1376 с.

16. Степанов М.Г. Уголовное преследование граждан СССР по политическим мотивам в предвоенный и военный периоды (1939–1945 гг.): обзор постсоветской сибирской историографии / М.Г. Степанов // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – №2 (10). – С. 46–53.

17. Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г. и с приложением постатейно систематизированных материалов. – М.: Государственное издательство юридической литературы. – 1950. – 256 с.

18. Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке / Ф. Фукуяма. – М.: Хранитель. – 2006. – 220 с.